

Галина
Колоскова

После
ИЗМЕНЫ
Код неверности

Галина Колоскова

После измены. Код неверности

«Автор»

2026

Колоскова Г.

После измены. Код неверности / Г. Колоскова — «Автор», 2026

Я включаю микрофон.— Твой код доступа аннулирован, Арсений. Не пытайся восстановить. Резервных копий нет.— Ты не можешь так поступить, — говорит мой муж. Голос сел, почти хрипит. — Это мои деньги. Мой бизнес. Моя жизнь.— Наша жизнь, — поправляю. — Была. Ты решил, что можешь жить в двух системах одновременно. Ошибаешься. В моём мире двойных стандартов не бывает. Алиса вдруг бросается к калитке, начинает колотить по ней кулаками.— Открой! Ты что, сумасшедшая? У меня ребёнок от него! Слышишь? Ребёнок! Я смотрю на неё. Молодую, красивую, истеричную. Она кричит, размазывает слёзы, пытается выглядеть жертвой. Но я вижу другое. Я вижу хищницу, которая просчиталась.— Поздравляю вас обоих, — говорю ровно. — Вы заслужили друг друга.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Галина Колоскова

После измены. Код неверности

Пролог

— Дочь, ты когда приедешь? Я пирог с яблоками испекла. Арсений говорит, ты опять на работе торчишь целыми днями.

Мамин голос в трубке звучит уютно, по-домашнему, и на секунду мне хочется бросить всё, сесть в машину и умчаться к ней, зарыться лицом в подушку на старой кровати, в моей детской комнате, где ничего не меняется уже тридцать лет. Но я смотрю на монитор, на бегущие строки кода, и понимаю — не могу. Защита для «Нордпромгаза» должна быть готова к утру понедельника.

— Мамуль, я позже наберу, хорошо? — говорю это максимально мягко, но чувствую, как она расстраивается. — У меня аврал.

— Совсем вы с Арсением себя не бережете! Он вон тоже сутками пропадает. Я ему звонила, вроде в командировке. Хоть бы детей нам родили уже, засиделись...

— Мама, всё, целую.

Я сбрасываю вызов. Дети... Конечно! Дети — это следующая итерация в моём идеальном плане. Всё по расписанию: в двадцать пять — замужество, в двадцать восемь — защита кандидатской, в тридцать два — ведущий криптограф, защищаю, шифрую информацию в госкорпорации, в тридцать пять — свой дом в Пушкинском, в сорок — ребёнок. Или двое. Если успеем. Я смотрю на часы — половина первого ночи. Сегодня как раз подходящий день цикла, я пила витамины утром, даже тест купила, лежит где-то в сумке. Но сначала работа. Работа — это то, что я контролирую. То, что подчиняется чётким алгоритмам.

Перед глазами — строки кода. Эллиптическая криптография, ключи, хеш-функции. Мир, где всё ясно. Ноль или единица. Истина или ложь. Ошибок не бывает. Если ошибка есть — ты плохо искал. Я ввожу финальную команду на компиляцию и, пока сервер шумит вентиляторами, решаю проверить, как там наш дом. Мы поставили систему «умный дом» три года назад, когда только достроились. Я писала её сама, каждую строчку кода. Отопление, вентиляция, камеры, доступ. Всё под моим контролем, даже когда я за тысячи километров.

Открываю приложение. Интерфейс привычный до мелочей. Температура в гостиной — двадцать два, в спальне — двадцать, во флигеле — выключено. Арсений хотел сделать там гостевую комнату, но мы так ни разу никого и не поселили. Я листаю записи событий чисто машинально, проверяю, не было ли сбоев.

И тут вижу это!..

Глаза цепляются за дату. Пятница, шестнадцатое марта. Я тогда была в командировке в Казани, на конференции по кибербезопасности. Арсений говорил, что у него переговоры в Питере. События системы отопления показывают: флигель, нагрев до двадцати двух градусов, с двадцати двух ноль-ноль до шести утра следующего дня.

— Странно... — говорю вслух. Голос в пустом кабинете звучит глухо.

Листаю дальше. Просто чтобы убедиться, что это разовая ошибка, глюк датчика. Вторник, третье апреля. Я в офисе до полуночи, Арсений на закрытом показе в Доме кино, так он говорил. Флигель. Нагрев. Двадцать два часа. Среда, пятнадцатое мая. Я в командировке в Нижнем. Снова флигель. Среда. Двадцать два часа...

Внутри включается режим. Я больше не жена, не женщина, не та, кто мечтает о ребёнке, а программист-шифровальщик, ищущий закономерности. Это моя стихия.

Делаю выгрузку событий за последние двенадцать месяцев. Система послушно формирует отчёт. Открываю его в Excel, программе для работы с электронными таблицами, строю график. Четырнадцать пиков. Четырнадцать раз за год отопление во флигеле включалось ровно в двадцать два часа и выключалось в шесть утра. Все даты приходятся на будни. Ни одного выходного. Семь раз — дни моего отсутствия в Петербурге. Ещё семь — дни, когда я задерживалась на работе допоздна. Арсений, по его словам, в эти даты был либо на встречах, либо в командировках.

Чувствую, как холодеют кончики пальцев. Это не глюк. Это не сбой. Это повторяющийся шаблон. Чистый, выверенный, математический паттерн — повторяющаяся схема событий.

— Нет! — резко мотаю головой. — Не делай поспешных выводов. Данные могут быть неполными.

Перехожу к системе видеонаблюдения. У нас четыре камеры по периметру. Камера у калитки — лучший обзор. Запускаю архив за те же даты. Шестнадцатое марта, двадцать один пятьдесят. На экране — пустая дорожка, фонарь качает ветки сосен. Двадцать один пятьдесят пять. Двадцать два часа пять минут. На дорожке появляется фигура.

Я увеличиваю изображение. Силуэт женский. Тонкий, в коротком пальто, волосы собраны в хвост. Лица не видно — камера снимает сверху, да и качество не то. Но походка... лёгкая, уверенная. Молодая. Она идёт не к главному входу, а в обход дома, напрямик к флигелю. Закономерность подтверждается: у неё есть ключ. Или код. Который мог дать только один человек.

Пролистываю дальше. Третье апреля. Та же фигура в то же время. Пятнадцатое мая. То же самое. Одиннадцать месяцев и четырнадцать дней. Я проверяю сегодняшнюю дату. Двадцать третье октября. Среда. Двадцать два часа три минуты. Камера зафиксировала её сегодня вечером. Сегодня, когда Арсений сказал, что ужинает с важным инвестором, а я сижу здесь, в своём кабинете, и преобразую код для газопровода.

Внутри что-то обрывается. Но не так, как показывают в фильмах, когда героиня хватается за сердце и падает в обморок. У меня внутри включается система охлаждения. Как в сервере, когда температура поднимается выше критической — начинают гудеть вентиляторы, сбрасывая тепло. Я чувствую этот гул в висках, в груди, в кончиках пальцев, продолжающих стучать по клавиатуре...

Глава 1

Я пишу сценарий для компьютера. Прямо сейчас. Вручную. Мне нужно сопоставить все данные. События отопления, видеоархив, записи календаря Арсения, к которому у меня есть доступ, мои собственные командировки. Набор инструкций работает быстро — это же элементарная аналитика, с такой работой справился бы стажёр.

Через три минуты на экране появляется результат.

Объект: Алиса М.

Вероятность совпадения с записями календаря Арсения Викторовича: 100%.

Вероятность интимного характера встреч: 97.3%.

Длительность: 11 месяцев 14 дней.

Последняя встреча: сегодня, 23 октября, 22:03.

Я смотрю на экран и не чувствую ничего. Вообще ничего. Только этот гул в висках. И сухость во рту. На столе, рядом с монитором, лежит открытая пачка фолиевой кислоты и витамина Е. Я пила их утром, запивая апельсиновым соком. Рядом валяется тест на беременность, который купила неделю назад. Отрицательный. Очередной отрицательный. Я хотела сделать его сегодня, но забыла. Или побоялась. Или подсознательно знала, что этот день закончится не тестом, а чем-то другим.

— Ты сборщик данных, — шепчу я экрану. — Ты не ошибаешься. Ты констатируешь факты!

В моём мире всё просто. Ноль или единица. Истина или ложь. Я всю жизнь строила системы, которые не прощают ошибок. Ошибка в коде — и корабль уйдёт не туда, ракета не взлетит, данные утекут конкурентам. Я приучила себя к абсолютной точности. К тому, что если ты нашёл ошибку, ты её исправляешь. Если нашёл вирус — изолируешь и уничтожаешь.

Я смотрю на отрицательный тест, на пачку витаминов, на график, где четырнадцать пиков горят алым цветом, и понимаю: мой муж — это вирус. Он заразил мою систему. Он был единницей в моей жизни, а оказался нулём. Но самое страшное — Арсений единица и ноль одновременно. Здесь, со мной, разыгрывает идеального мужа, мечтает о детях, трогает мой живот по ночам и шепчет, как я красива. А там, во флигеле, в гостевой комнате, где даже мебель не распакована — он с ней.

— Интересно... — говорю вслух, и голос звучит странно, будто не мой. — Она тоже пьёт витамины? Или ей уже не надо? У неё, наверное, получается без всяких витаминов.

Я смотрю на дату последней встречи — сегодня. Среда, двадцать два часа. Она сейчас там. Во флигеле. Ждёт Арсения. А он через пару часов придет домой, поцелует меня в щёку, спросит, устала ли я, и уйдёт в душ. Или не придёт... Она в любом случае, останется лежать на не распакованном диване, прикрытая пледом, купленным мной в «Ленте» и думать, какая его жена дура.

Встаю из-за стола. Ноги слушаются плохо, но я заставляю себя идти. Наливаю воду из кулера, делаю глоток. Вода холодная, почти ледяная, обжигает горло. Смотрю в окно — там ночь, огни Питера, наш офис на двадцать втором этаже, и кажется, что весь город подо мной. Но я одна, и этот чёртов гул в ушах не прекращается.

— Что ты чувствуешь? — спрашиваю отражение в тёмном стекле. — Ты должна плакать, кричать, разломать этот дурацкий тест. Позвонить ему и сказать всё, что о нём думаешь.

Отражение молчит. У женщины в стекле мои глаза, мои волосы, собранные в узел на затылке, мои пальцы, сжимающие стакан. Но она не плачет. Она смотрит на меня и молчит.

Возвращаюсь к столу. Сажусь. Пальцы сами тянутся к клавиатуре. Открываю новое окно терминала. Внутри включается режим, который тренировала годами. Холодный расчёт. Анализ. Поиск уязвимостей.

Арсений думает, что умнее всех. Считает, что его двойная жизнь — гениальная комбинация, которую никто не взломает. Он забыл, кто я, забыл, что именно я вижу там, где другие заметят просто картинку. Я вижу код, структуру, аномалии.

Начинаю писать новый сценарий. Теперь не для поиска. Для действия.

— Твой код доступа будет аннулирован, Арсений, — шепчу, и буквы ложатся на экран ровными строками. — Все твои карты. Все счета. Всё, что ты прятал — найду. Я программист и умею искать.

Работаю час, два, три. Перед глазами плывут цифры, банковские выписки, реестры, но я не останавливаюсь. Холодный адреналин гонит кровь по венам. Я чувствую себя живой. Впервые за долгое время — живой по-настоящему. Не той жизнью, где надо пить витамины и делать тесты, а той, где я хозяйка. Где всё решаю сама!

Часы показывают половину пятого утра, я закрываю вкладки. Всё готово. Осталось нажать кнопку. Но я не нажимаю. Пока нет.

Смотрю на экран с результатами задач для компьютера, на график с алыми пиками, на тест, который так и лежит на столе. И впервые за эту ночь чувствую боль. Она приходит не сразу, а накатывает медленно, как вода, просачивающаяся сквозь плотину. Сначала подступает к горлу, потом сжимает грудь, потом оседает где-то в животе ледяным комом.

Одиннадцать месяцев. Четырнадцать дней. Она приходила к нему в наш флигель четырнадцать раз. А я пила витамины. Я считала дни цикла. Я верила, что у нас всё получится.

— Дура, — произношу вслух. — Какая же я дура!

Беру телефон, открываю нашу последнюю переписку с Арсением. Сегодня днём он писал: «Целую, моя девочка. Вечером позвоню, как освобожусь». Я ответила: «Хорошо, любимый, работай».

Смотрю на напечатанные слова и не узнаю себя. Кто та женщина, пишущая «работай», когда её муж в гостевом флигеле трахает свою ассистентку? Где была её хваленая логика, её аналитический ум? Неужели и, правда, не замечала? Или просто закрывала глаза?

— Закрывала, — отвечаю своему отражению. — Потому что хотела верить. Потому что вера всегда удобнее правды.

Встаю, подхожу к окну, прижимаюсь лбом к холодному стеклу. За окном начинается рассвет. Петербург просыпается, зажигаются окна в соседних домах, люди пьют кофе, собираются на работу, целуют своих жён и мужей. И никто из них не знает, что в этом городе, в башне, на двадцать втором этаже стоит женщина, чей мир только что рухнул. И она не плачет, а смотрит на свои руки и думает: «Я всё исправлю. Я не прощаю ошибок. Ни в коде. Ни в жизни».

Возвращаюсь к столу, беру тест, смотрю на него в последний раз и выбрасываю в мусорное ведро. Витамины летят туда же.

— Новая программа, — шепчу в пустоту. — Начинаю новую программу. Где тебя больше нет!

Глава 2

Пятница, семь утра. Ночная смена закончилась, дневная ещё не началась. Идеальное время, чтобы никто не мешал.

Я смотрю на экран ноутбука. Вчерашний сценарий отработал штатно, выдал мне доступ к облачным аккаунтам Арсения. Три разных провайдера, два из которых корпоративные, один личный, немецкий, с хорошей защитой. Он забыл, что я училась взламывать такие системы ради интереса, когда мне было двадцать два. Теперь это не интерес, а другое.

Пальцы замирают над клавиатурой. Ввожу последнюю команду. Экран мигает, и передо мной открывается папка: «Важное». Без фантазии, без шифра. Потому что он уверен, что я сюда не доберусь.

В папке три альбома. Первый: «Бали, март». открываю.

На меня смотрит Алиса в купальнике, на пляже, загорелая, счастливая. Волосы распущены, ветер треплет их, она смеётся в камеру. Следующее фото — они вместе, он обнимает её со спины. Они стоят на фоне заката. Его лицо расслабленное, довольное. Даже удивительно видеть его таким. В последний год он всегда напряжён, думает о работе, устаёт. Оказывается, уставал только со мной.

Листаю дальше. Второй альбом: «Домашнее». Здесь фото на нашей кухне. На моей кухне, чёрт возьми!!! Я узнаю этот свет, этот угол, эту столешницу из итальянского мрамора, которую мы выбирали вместе. Телефон трезвонит в который раз, решаю ответить.

— Оль, ты где? Я звоню, звоню...

Голос Арсения в телефоне звучит озабоченно. Заботливо. Почти нежно. Смотрю на экран, на его фотографию в мессенджере, и пальцы сами сжимаются в кулак.

— На работе, — отвечаю ровно. Он не должен узнать раньше времени. — Не успеваю по графику. Пришлось ночевать здесь. А ты где?

— В офисе, — он вздыхает. — Аврал, малыш. Инвесторы из Катара, сама понимаешь. Ночевал тут, в переговорной. Сил не было доехать до дома. Сегодня обязательно. Соскучился. Ты как там?

Смотрю на монитор. Алиса в его футболке. Алиса с его телефоном в руках в нашем доме. Алиса улыбается в камеру так, будто это её дом. Её кухня. Её жизнь.

Отвечаю, стараясь быть настолько же беззаботной:

— Я нормально. Код пишу.

— Вечно ты со своими кодами, — он усмехается. — Ладно, целую. Вечером увидимся.

— Увидимся.

Нажимаю отбой. Семь пропущенных. Семь раз он звонил, пока я рылась в его прошлом. Проверял, не приеду ли я домой раньше времени.

— В переговорной спал... — шепчу я. — Да, спал! Только не там и не один, а с ней.

Я встаю из-за стола и подхожу к окну. За стеклом — Питер серый, утренний, сонный. Где-то там, в нашем доме, на нашей кухне, из моей кружки пьёт чай девушка, моложе меня на много лет. И носит под сердцем ребёнка от моего мужа. Нет, не моего. Просто мужа. Потому что мой — это когда любит, а этот лишь живёт на моей территории.

— Ольга Сергеевна, кофе? — Лена просовывает голову в дверь.

— Да, Лен. Покрепче. И сахара побольше.

Она исчезает. Я возвращаюсь к столу, смотрю на монитор. Папка «Важное» открыта, ждёт. Там ещё одно фото. Последнее. Я не открывала его. Боялась. Но теперь, после его звонка, после этого «в переговорной спал», мне уже не страшно. Мне пусто.

Я кликаю.

Чёрно-белое изображение. Размытое, как все снимки УЗИ. Маленькая фасолка с головкой и ручками. Восемь недель. Подпись внизу: «Наш малыш! 8 недель».

Я смотрю и не чувствую ничего. Вообще. Ни боли, ни злости, ни отчаяния. Только странное спокойствие. Будто это не моя жизнь, а фильм, который смотрю со стороны.

— Кофе, — Лена ставит передо мной чашку. — Ольга Сергеевна, вы очень бледная? Не спали совсем?

— Спала, — вру. — Всё хорошо, Лен. Иди.

Она уходит, но в дверях оглядывается. Делаю глоток. Кофе горький, обжигает язык. Хорошо. Значит, я ещё живая.

— Восемь недель, — произношувслух. — Восемь недель она носит эту фасолку. А я восемь лет тащу Арсения. И что в итоге?

Открываю новый терминал. Пальцы сами находят нужные комбинации. Доступ к банку. Наш общий счёт. Четыре миллиона двести тысяч. Моя зарплата за полгода. Его — за месяц. Интересно, сколько из общих денег он потратил на неё? На тест на беременность? На УЗИ?

— Дура, — шепчу я. — Какая же я дура!..

Я перевожу деньги. Все. На новый счёт, который открыла вчера через интернет-банк. Потом ещё один. И ещё. Со счетов, где есть моя подпись. Со счетов, куда падала моя зарплата. С накопительных, с инвестиционных, с тех, о которых он даже не знает.

— Мама учит: мужику всю жопу не показывай, всегда имей своё, — бормочу под нос. — Мама, ты, как всегда, права. Прости, что смеялась.

Дальше — активы. Дом просто так не забрать, он оформлен на обоих, но земельный участок — подарок моей бабушки. Машины. У каждого своя. Моя, купленная на мои деньги. Его на наши. Документы на неё лежат в сейфе дома. В сейфе, код от которого знаю только я. Потому что я — программист. Я всё кодирую.

— Интересно, — говорю пустому кабинету, — как ты будешь ездить на свои встречи без денег и без машины? Пешком? Или Алиса подвезёт? И сколько стоит твоя измена в рублёвом эквиваленте? Скоро узнаешь!

Время летит незаметно. Звук сообщения. Смотрю на телефон. Арсений: «Малыш, я забыл сказать, у меня карта заблокировалась, что-то с банком. Ты не знаешь?»

Я улыбаюсь. Впервые за двое суток.

— Знаю... — шепчу с ухмылкой. — Я знаю!

Печатаю ответ: «Наверное, технический сбой. Позвони в банк». Отправляю и выключаю звук.

В дверь стучат. Снова Лена.

— Ольга Сергеевна, там это... — она мнётся. — Арсений Викторович приехал. Спрашивает вас.

Я замираю.

— Где он?

— Внизу, на ресепшене. Говорит, срочно нужно.

Я смотрю на монитор. На открытую папку. На фото УЗИ. На кружку с остывшим кофе.

— Скажи, что я уехала. На объект. Буду после обеда.

— Но он...

— Лена, скажи, что уехала!

Она кивает и исчезает. Я смотрю в окно. Внизу, у входа, стоит его машина. Чёрный «Мерседес», который я помогала выбирать. Он стоит рядом, смотрит в телефон. Злой, растерянный. Красивый. Чужой.

— Прощай, Арсений, — шепчу в стекло. — Это только начало.

Закрываю все вкладки, чищу историю, выключаю компьютер. Беру сумку, ноутбук, ключи от машины. Выхожу из кабинета, иду к чёрному ходу. Там, где меня никто не увидит.

На стоянке сажусь в свою машину. Маленькую, серую, незаметную. Завожу двигатель и выезжаю на шоссе. В сторону Карелии. В сторону леса. В сторону тишины.

Смартфон вибрирует. Арсений: «Ты где? Я у твоего офиса. Нам нужно поговорить».

Я читаю и убираю телефон в сумку. Пусть ищет. Пусть звонит. Пусть думает где я и что происходит. Мне всё равно.

За окном мелькают деревья, заправки, торговые центры. Обычная жизнь обычных людей. У которых, наверное, тоже есть свои скелеты в шкафу. Свои измены. Свои фасолы в чужих животах.

— Шестнадцать лет разницы! — возмущаюсь вслух. — Двадцать четыре и сорок! Он мог бы быть её отцом. Интересно, она называет его папочкой?

Я включаю музыку. Громко, чтобы заглушить мысли. Чтобы не слышать внутренний голос, навязчиво шепчущий: «Ты старая, ты бесплодная, ты никому не нужна».

— Заткнись! — ору я ему. — Заткнись, слышишь!!!

Голос замолкает. Но ненадолго. Я знаю. Он вернётся. Мысли всегда возвращаются.

Через три с лишним часа я въезжаю в посёлок. Наш дом стоит в глубине, у самого леса. Паркуюсь, выхожу, вдыхаю холодный воздух. Пахнет прелыми листьями, сыростью, свободой.

На крыльце останавливаюсь. Смотрю на серое небо, на верхушки сосен, на пустую улицу. И вдруг слышу лай. Не злой, скорее приветственный.

Я оборачиваюсь. На соседнем участке, у забора, стоит мужчина. Высокий, в грубом свитере, в резиновых сапогах. Рядом с ним две большие собаки с голубыми глазами. Они виляют хвостами и смотрят на меня с любопытством.

— Не бойтесь, псы добрые, — голос мужчины низкий, бархатный. — Просто радуются новому человеку. Вы надолго к нам?

Смотрю на него и понимаю, что не знаю, что ответить. Надолго ли? Насовсем ли? Я вообще ничего не знаю.

— Не знаю, — отвечаю честно. — Пока не знаю.

Он кивает. Будто это нормальный ответ.

— Ну, заходите, если что. Я Кирилл, ветеринар. У меня тут питомник хаски. Соседи обычно жалуются на шум, но вы, надеюсь, не из жалующихся.

— Ольга, — отвечаю, пряча руки в карманах. — Я вообще редко жалуюсь. Только на баги.

Он улыбается. В его глазах появляется что-то тёплое, понимающее.

— Ошибки в программе — это серьёзно. Ну, Ольга, будем соседями. Заходите на чай, если захотите. Или просто так. Собаки лечат, поверьте.

— Буду знать... — Поправляюсь: — Теперь знаю.

Иду к дому. Открываю дверь, захожу внутрь и проваливаюсь в мир спасительной тишины. Только часы тикают в гостиной. Я сажусь на диван, смотрю в стену и впервые за эти два дня позволяю себе заплакать.

Слёзы текут сами. Я даже не всхлипываю. Обида и боль от предательства режут сердце, выворачивая наизнанку душу. Реву за всё сразу. За все годы брака. За несделанные тесты. За фасолу на чужом УЗИ. За свою глупую веру в то, что если ты умная, то тебя не обманут.

— Дура, — шепчу в пыльную тишину дома. — Гениальная, но дура!

Смартфон разрывается трелями. Арсений. Смотрю на светящийся экран, но не отвечаю. Он звонит снова. И снова. Потом приходит сообщение: «Оля, возьми трубку. Это важно. У меня проблемы с банком. И с домом. Я не могу зайти, дверь не открывается. Что происходит?»

Читаю и ухмыляюсь сквозь слёзы.

— То и происходит, — шепчу, глотая солёные капли. — То и происходит, милый.

Блокирую его номер. Выключаю звук. И в пустоте холодного дома, вдруг слышу голос соседа Кирилла: «Собаки лечат, поверьте».

Добрые умные глаза псов, радостный лай с вилянием хвоста. Вот кто никогда не предаст и не бросит. Стоит представить и мне становится легче. Совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы перестать плакать и начать думать.

Я знаю, что ещё меня вылечит. Бросаю взгляд на дорожную сумку. Достаю ноутбук. Открываю новый файл. Называю его «Операция „Аннулирование“». И начинаю писать код своей новой жизни.

Глава 3

Я не помню, когда в последний раз спала больше трёх часов подряд. Мозг работает на пределе, но это привычное состояние. Когда пишешь код для систем, от которых зависят жизни, привыкаешь к перегрузкам. Сейчас ставки выше. Сейчас я пишу код для собственной жизни.

Включённое отопление постепенно согревает дом. Сажу за большим деревянным столом в гостиной с большой кружкой чая. Ноутбук, второй монитор, блокнот для записей. Моя боевая экипировка.

Собранные данные, как разведка перед атакой: нужно знать все входы и выходы, все уязвимости, все пароли. Арсений думает, что я не вникаю в его финансовые дела. Он ошибается. Я помню всё: названия офшоров, имена юристов, номера счетов, которые он обсуждал по телефону, думая, что я слушаю вполуха. Я слушала. Я всегда слушаю. Просто он привык, что я молчу.

— Ты думаешь, я играю в немую? — Проговариваю вслух, вбивая очередной запрос в систему. — Думаешь, я умная только в коде, а в жизни — дура доверчивая. Сейчас увидишь, на что способна твоя дура!

Голос в пустом доме звучит странно, но мне легче, когда разговариваю вслух. Создаётся иллюзия, что я не одна.

Смотрю на оставшиеся нетронутыми совместные счета. Лишаю его возможности разблокировать карты, или создать новые. Моя цифровая подпись везде. Я имею право. Я не ворую, я просто... блокирую счета. До выяснения обстоятельств. До суда. До момента, когда адвокаты начнут делить то, что он считает своим.

Миллионы, которые мы заработали вместе. Он — лицом, я — мозгами. Так всегда было. Он на переговорах, я за кодом. Он в эфире, я в тишине.

— Интересно, — шепчу, — сколько из наших денег Алиса уже потратила на себя? Или он только обещает?

Нахожу статью. Федеральный закон «О противодействии легализации доходов». Стоп. Вот оно! Если я заявляю о риске отмыwania средств, банк обязан заблокировать счета до выяснения. А я заявляю. У меня есть доступ. У меня есть право.

Пишу официальные запросы. Три банка, четыре счёта, два офшорных фонда. Я прикладываю скан паспорта, свои данные, объяснительную: «В связи с бракоразводным процессом и...

— Это тебе не флигель отапливать! — выговариваю монитору. — Это тебе не ассистентку трахать! Это деньги, Арсений. Твоя любимая тема.

Я знаю, что он скоро хватится. Он привык жить широко: рестораны, подарки, поездки. Алиса, наверное, уже прикидывает, сколько потратит на ребёнка. Интересно, она знает, что её принц скоро останется с пустым кошельком?

Остатки суток посвящаю более тонкой работе. Мне нужно знать, что происходит между ними. Не из праздного любопытства — из стратегической необходимости. Противника надо видеть.

Пишу простой алгоритм. Беру их номера, пробиваю по базам, нахожу геолокации. Арсений сейчас в Питере, в офисе. Алиса — в своей квартире. Я отправляю каждому анонимное сообщение.

Арсению: «Алиса ждёт тебя сегодня в 20:00 в «Кофемании» на Красноборской. У неё важные новости. Не опаздывай».

Алисе: «Он будет в «Кофемании» на Красноборской в 20:00. Скажи ему правду. Или я скажу за тебя».

Смотрю на часы. Сейчас шесть вечера. Через два часа они встретятся. Интересно, что она ему скажет? Что беременна? Что хочет семью? Что он должен на мне жениться, то есть на ней жениться? Или у неё другие планы?

— Давай, девочка, — бормочу под нос. — Покажи, на что ты способна! Ты хотела его украсть? Вот он, твой приз. Забирай!..

Откидываюсь на спинку стула и впервые за двое суток позволяю себе расслабиться. Смотрю за окно. Там темнеет, зажигаются фонари в посёлке, у соседей горит свет. У того, нового, с собаками, Кирилла. Я вспоминаю его спокойный голос, его улыбку. Хороший человек. Не лезет с вопросами, не предлагает помощь, от которой тошнит. Сказал: «Заходите, если что». И ушёл.

Может, зайти? Нет. Сначала дело!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.